DOI: 10.17976/jpps/2023.03.08
EDN: IYLITX

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ПОЛЕ ПОЛИТИКИ

(на примере саха- и татароязычных школ республик Саха (Якутия) и Татарстан)

Г.Ф. Габдрахманова

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, зав. отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань; главный научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории "Лингвистическая экология Арктики", Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, email: medi54375@mail.ru

Габдрахманова Г.Ф. 2023. Институционализация российской национальной школы в поле политики (на примере саха- и татароязычных школ республик Саха (Якутия) и Татарстан). *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 98-113. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.08. EDN: IYLITX

Исследование выполнено по проекту "Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации" (грант Правительства России, соглашение № 075-15-2021-616).

Статья поступила в редакцию: 10.04.2022. Принята к публикации: 28.11.2022

Аннотация. В статье ставится задача изучить в эволюционном ракурсе процессы институционализации российской национальной школы (НШ) в постсоветское время в контексте языкового территориального режима (ЯТР). Данный режим рассматривается как система конституированных идей по вопросам использования национальных (нерусских) языков в качестве средств обучения и действий в отношении НШ, построенных на пересечении интересов правящих и неправящих акторов и приводящих к ее институциональному оформлению в поле политики. Изучение строится на принципах исторического институционализма и методе бинарного анализа. Институционализация российской НШ проходит в условиях сложного переплетения идей и действий акторов ЯТР, их противоречивого коммуникативного взаимодействия, зависимости от советской парадигмы национального образования и текущей языковой политики. Интересы этнических групп, политических элит регионального и федерального уровней, общественных объединений простимулировали организационное оформление и нормативное закрепление НШ в 1990-е годы. Заложенная в это время интенция к имитации права на язык обучения, отсутствие реальной, массовой его поддержки со стороны лидеров мнения, ценностное (в традиционалистском смысле) понимание национального языка стали в последующие годы "ловушками" для НШ. Федеральный центр, следуя по "тропе зависимости" от необходимости позиционирования страны как многоязычной, предоставления права обучения на родном языке, одновременно выдвигает рассогласованные, декларативные идеи и постепенно ужимает возможности НШ. Региональные элиты сохраняют приверженность политике ее поддержки. В 2000-х годах они лавировали в коридоре возможностей, заданном федеральным центром, и тиражировали аксиологический подход к национальному языку. В ответ на запрос родительской общественности на инструментальную функциональность национальных языков республики объявляли о стремлении модернизировать НШ. Однако идея оказалась формальной и не оказала серьезного влияния на такие

образовательные учреждения. Сложность институционализации НШ связана с инерцией их внутренней политики, основанной на понимании национальной культуры как сугубо сельской и на ее презентации в этнографических формах, что в равной степени характерно для республик и не отвечает интересам современных родителей и их детей.

Ключевые слова: национальная школа, институционализация, языковой территориальный режим, акторы, Татарстан, Саха (Якутия).

Современный научный дискурс о языковой политике характеризуется проблематизацией вопроса о ее субъектности. Российские и зарубежные исследователи указывают на необходимость учитывать регулирующее воздействие на языковые отношения различных акторов [Языковая политика... 2018: 5], "людей в языковой политике и новых говорящих" [Хилканова 2020], "действующих лиц", которые обладают авторитетными позициями, способностью формулировать компетентные оценки и определять политико-языковую повестку [Мухарямов 2017: 681]. Такая интерпретация языковой политики позволяет фундированно изучать опыт группового и индивидуального участия в ней, расширяет понимание языковых ситуаций в целом (на мезо-, макроуровне), на уровне частных притязаний и позволяет сосредоточиться на полицентричной картине происходящего, диверсификации форм политико-языкового участия [Мухарямов 2021а: 5].

Образование вносит существенный вклад в языковую политику: оно определяет ее содержание и предмет, а решения об организации преподавания и изучения языка являются политически релевантными [Борисова 2018: 64-65]. Эти вопросы всесторонне проанализированы в работах, посвященных проблемам преподавания и изучения языков народов, давших название республикам, в системе школьного образования [Арутюнова 2019; Государственные... 2015; Этнокультурное... 2010], в том числе в аспекте языковой преференциальной политики [Борисова 2019] и дефедерализации России [Большаков, Фарукшин 2022]. Заметно меньше внимания уделено вопросам организации обучения на национальных (нерусских) языках в российских школах, которые изучаются в исторической, социологической, педагогической и этнологической перспективах [Борисова 2006; Гатауллина 2001; Матис 1997; Мухарямова, Андреева 2008; Этнокультурное... 2015]. Необходима политологическая оценка национальной школы как института, регулирующего деятельность и поведение действующих в политике субъектов, и как политического образования в виде организации, "формальных управленческих структур" [Современная... 2019: 112-113]. Она способна расширить спектр акторов языковой политики, внести вклад в развитие темы ее агентивности и осмысление языково-политических процессов в РФ. Цель нашей работы – выявить эволюцию институционализации российской национальной школы (НШ) в постсоветское время в контексте языкового территориального режима.

Методология и методы исследования

Исследование опирается на институциональный подход, призванный обеспечить синтез формальных и неформальных норм (и правил), политико-юридических и социальных рамок, в которых взаимодействуют люди в "типичных ситуациях" [там же]. При изучении языковой политики он позволяет выявить баланс ее формальных и неформальных измерений, структурной и индивидуальной субъектности, языковых отношений и регулятивного воздействия в макро-,

мезо- и микроперспективах, соотношения режимов де-юре и де-факто [Януш, Мухарямов, Мухарямова 2020: 163]. Методологический посыл открывает широкие перспективы, но и требует конкретного аналитического инструментария.

Авторы книги "Государственные традиции и языковые режимы" [Cardinal, Sonntag 2015], опираясь на принципы исторического институционализма и сравнительной политологии, объясняют выбор языковой политики в разных странах властными отношениями. "Традиции государства", "тропа зависимости", "языковой режим" выступают для них центральными категориями при определении типов институционализации языковой политики, демонстрирующих генезис смыслов идей политических акторов [Sonntag, Cardinal 2015: 12]. Партикулярная стратегия исследования, задачей которой является изучение конкретных идей и действий в развитии и обновлении политики, вырабатываемых в результате серии коммуникативных практик [Сморгунов 2009: 122, 123], становится основой изучения НШ в политологической перспективе.

Логика коммуникативного действия в поле политики, интернализирующего нормы и консенсуализирующего идеи, приобретает особое звучание в условиях федеративного устройства России и различного восприятия субъектами, агентами и бенефициарами языковой политики широты коридора возможностей, позиций, усилий и интенций региональных элит, видения на местах институциональных и ресурсных возможностей поддержки родного языка. Поэтому продуктивным видится метод бинарного анализа, предполагающий сравнение максимально похожих субъектов [Субдисциплины... 2016: 119].

Н.В. Борисова, изучая этнические территориальные автономии в пяти федерациях, сформированных по этническому принципу (Бельгии, Канаде, Боснии и Герцеговине, Индии, Швейцарии), интерпретирует введенную Р. Бруйберкером категорию "языковой территориальный режим" (ЯТР) как систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, устанавливающих образцы взаимодействий между членами территориального сообщества [Борисова 2016: 95-96] – интересами правящих и неправящих социальных акторов с различными способами воздействия на динамику политико-языкового порядка [Мухарямов 2021b: 345]. Почему и как возникают, меняются соглашения в соответствии с государственными традициями – ключевой вопрос исторического институционализма при изучении ЯТР [Sonntag, Cardinal 2015: 12], преломляемый в нашем исследовании в аспекте диалектики конституированных идей о национальных (нерусских) языках как средствах обучения, приводящих к становлению НШ в качестве института в поле политики. Гипотеза исследования: ЯТР России в отношении НШ поэтапно обновляется в силу смены инициатив властей федерального и регионального уровней, интересов этнических групп, родительского и педагогического сообщества как участников политического взаимодействия по поводу языка и задает специфический дизайн институционализации отечественной НШ.

Объекты исследования – саха- и татароязычные школы. Число учащихся в таких НШ уступает лишь русскоязычным [Горячева 2020: 221-222, 224]. Поскольку нас интересуют идеи и действия регионов, выбраны НШ, расположенные в республиках Саха (Якутия) и Татарстан. Регионы схожи по доле этнических групп, давших им название (в 2010 г. якуты – 45,5%, татары – 53,2%) и являются экономически успешными субъектами.

Идеи федеральных и региональных политических элит об НШ изучаются на основе содержательного анализа инициатив, отраженных в нормативно-правовых документах и программных заявлениях, а результативность пре-

творения их в жизнь – по материалам официальной статистики о численности соответствующих образовательных учреждений. Для выявления интересов этнических групп, родительского и педагогического сообществ привлекаются материалы этносоциологических опросов в Саха (Якутии) и Татарстане, проведенных при участии автора и другими российскими учеными, исследования которых подвергнуты вторичному анализу. Источники охватывают период с 1990-х годов по настоящее время.

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ПАРАДИГМЫ НШ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 1990-х ГОДОВ

Первые постсоветские годы характеризовались активной апелляцией российских республик к НШ. Этнические группы, давшие им название, в это время выражали высокий запрос на поддержку родных языков. В городах 90,8% татар Татарстана и 86,5% якутов Саха (Якутии) хотели видеть своих детей владеющими татарским и якутским языками [Дробижева и др. 1996: 293]. Общественный запрос возник из-за утраты национальных языков, их низкой функциональности, в том числе при использовании как средств обучения. Так, численность татар, обучающихся на татарском языке, в 1980-х годах сократилась с 217 тыс. до 98 тыс. [Мухарямова, Андреева 2008: 73]. В 1994 г. 65% городских якутов получали образование на русском языке или на нем с включением якутского [Дробижева и др. 1996: 269]. К концу 1980-х годов в РСФСР родной язык оставался языком обучения у 18 народов, в объеме выше начального у тувинцев, якутов (основная школа), татар и башкир (полная средняя школа) [Кузьмин, Артеменко 2022].

Другим актором институционализации НШ стали общественно-политические объединения. Татарский общественный центр настаивал на парадигме НШ, построенной исключительно на татарском языке, общество “Саха тыла” придерживалось умеренной позиции, выражавшейся в поддержке языков народов Севера. Но абсолютное большинство участников предпочитали отдавать детей и внуков в русскоязычные школы [Мухарямова, Андреева 2008: 89]. Появились всетатарская ассоциация “Магариф” (“Образование”) и сообщество учителей родного языка “Сайдыы” (“Развитие”).

Руководства Татарстана и Якутии инициировали принятие доктринальных документов, косвенно поднимающих статус НШ. Конституции республик закрепили государственный статус татарского и якутского языков, Закон “О языках народов Республики Татарстан” (08.07.1992, № 1560-XII), Закон “О языках в Республике Саха (Якутия)” (16.10.1992, № 1170-XII) и законы “Об образовании” (РТ – 19.10.1993, № 1993-XII; РС(Я) – 23.05.1995, № 60-I) предусмотрели право выбирать язык обучения и воспитания, Договоры о разграничении полномочий РФ и республик (РС(Я) – 31.03.1992; РТ – 15.02.1994) обозначали местное образование как сферу компетентности органов региональных властей. Республики заявили о готовности поддержать языки всех народов региона. Одновременно зародились идеи, подчеркивающие различия интересов республик. Татарстан выразил поддержку татарскому языку у татар за пределами республики (ст. 14 Конституции РТ). Якутия нацелилась не только на сахаязычные школы, но и на НШ народов Севера (ст. 38 Конституции РС(Я)). Такая субъективация отдельных этнических общностей в качестве объектов политического влияния анализируемых регионов прослеживается в государственных программах по сохранению и развитию языков (РС(Я) – 06.06.1997, № 247; РТ – 20.07.1994, № 2186-XII).

Изменение социально-политического статуса НШ в регионах выразилось в принятой в Татарстане Концепции национального просвещения (03.05.1994, № 190), в Якутии – Концепции национальной школы (23.05.1991), в появлении многочисленных образовательных программ [Гибатдинов, Муртазина 2013: 711; Яковлева 2010: 42]. Документы подчеркнули готовность республик разрабатывать учебные планы и программы, создавать учебники на татарском, якутском языках и на языках народов Севера (в РС(Я)), готовить педагогов. Они основывались на традициях народной педагогики, поэтому происходившая романтизация НШ касалась этнокультурных ценностей аграрного прошлого[1], а попытки создания полностью самостоятельной, автономной системы национального образования остались на уровне проектов национального движения [Гибатдинов, Муртазина 2013: 712].

Федеральный центр обозначил право граждан на свободный выбор языка обучения и воспитания в рамках специальной, 26-й ст. Конституции РФ 1993 г. Ответственными за его реализацию назначались органы власти и управления (Закон РФ "О языках народов Российской Федерации", 25.10.1991, № 1807-1, ст. 9), общественные объединения (Закон РФ "О национально-культурной автономии", 17.06.1996, № 74-ФЗ, ст. 11) и система образования (Закон РФ "Об образовании", 10.07.1992, № 3266-1). Так впервые в отечественной образовательной практике конституировалось равенство трех самостоятельных субъектов образования (индивида (родителей) – этноса – государства) (добавим: "общественности" и "регионов", так как государственный образовательный стандарт содержания общего образования подразумевал федеральный и национально-региональный компонент (Закон "Об образовании", ст. 7). – *Прим. авт.*), т.е. его демократическую этноязыковую многовариантность[2]. Однако предоставляемая образовательным учреждениям свобода выбора языка обучения и воспитания, ее ограничение возможностями учреждения ставили НШ в неравные условия со школами с русским языком обучения, ориентированными на иностранные языки и естественные науки, и имитировали политику поддержки языков как средства обучения. Обозначение НШ в подзаконных актах 1990-х годов Министерства образования РФ как образовательных учреждений с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения заложило аксиологический подход к НШ, соответствующий советской парадигме национального образования.

Перечисленные идеи привели в 1990-е годы к росту числа НШ (в Татарстане – с 1 059 в 1988/1989 уч. г. [Исхакова 2002: 15] до 1 214 в 2000 г.[3], Якутии – с 382 в 1992 г.[4] до 441 в 2001/2002 уч. г. [Борисова 2006: 16]) и обучающихся (в 1,5 раза

[1] Кузьмин М.Н. 2022. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. Часть 3. *Грамота.ру*, 29.08.2001. http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_83 (accessed 10.04.2022).

[2] Там же.

[3] Сведения о развитии национального образования Республики Татарстан в 1991-2004 годы. *Официальный портал Министерства образования и науки РТ*. https://mon.tatarstan.ru/razvitie-natsionalnogo-obrazovaniya-v-respublike.htm (accessed 07.04.2022).

[4] Доклад министра образования Республики Саха (Якутия) Е.П. Жиркова. 1992. *Национальная школа: концепция и технология развития: материалы совещания Совета министров образования Российской Федерации и Федерального Совета по проблемам развития национальных систем образования.* 12-15.04.1992, г. Якутск. С. 3.

в Якутии [Соколова 2017: 40], в Татарстане с 59 401 в 1991 г. до 110 133 в 2000 г.[5]). Стали открываться НШ нового типа – лицеи, гимназии (в том числе саха- и татаро-турецкие), образовательные учреждения с раздельным обучением девочек и мальчиков. Появились новые методики и технологии обучения. Педагоги обрели свободу творчества, а родители – право выбора языка обучения ребенка.

"ТРОПА ЗАВИСИМОСТИ" ОТ ДЕКЛАРАТИВНОСТИ – КОНТРОЛЬ – ИНТЕНСИФИКАЦИЯ

В первом десятилетии 2000-х годов федеральный центр декларировал идеи об НШ. В Концепции национальной образовательной политики РФ (03.08.2006, № 201) такие образовательные учреждения описываются как "интегральные части образовательной системы, равнозначные элементы единого российского образовательного пространства", подчеркивается необходимость повышения компетенций педагогов по родному языку, готовность оказывать поддержку в разработке учебных планов и учебников. Впервые говорится о билингвальном и поликультурном российском образовании, на НШ возлагается новая функция обеспечения консолидации полиэтничной России. Тем самым акцентируется языково-образовательный плюрализм, но и формируются интенции к контролю над НШ для обеспечения целостности образовательного пространства.

Подчиненным задаче интеграции образования стало утверждение федеральных образовательных стандартов. В первом ФГОС (05.03.2004, № 1089) возможности обучения на национальных языках не упоминаются. Предложенная в нем компонентная модель организации содержания образования, объясненная в "Федеральном базисном учебном плане и примерных учебных планах для учреждений общего образования" (09.03.2004, № 1312), подразумевала выделение на федеральный компонент не менее 75% учебного времени, региональный (национально-региональный) и компонент образовательного учреждения – не менее 10% на каждый. Нормативно-правовую реакцию на эту инициативу выразила лишь Якутия. Принятый "Базисный учебный план для образовательных учреждений Республики Саха (Якутия), реализующих программы общего образования" (постановление Правительства РС(Я), 30.06.2005, № 373) увеличивал объем учебной нагрузки на шесть часов и обеспечил равное количество часов изучения русского и якутского языков в школах Якутии, сохранение кадров национального образования. В Татарстане аналогичные действия, обеспечивающие равное количество часов на изучение русского и татарского языков, не предпринимались. Эта республика активно участвовала в реструктуризации образовательных учреждений, обозначенной в Национальном проекте "Образование" 2005 г. Реализация "Республиканской целевой программы модернизации сети сельских образовательных учреждений на 2005-2007 гг." (Постановление КМ РТ, 04.03.2005, № 110) привела к сокращению числа НШ в РТ, так как большинство из них было расположено в селах. Таким образом, республики сфокусировались на разных инициативах федерального центра: Якутия направила усилия на совершенствование нормативно-правовой базы НШ, Татарстан сосредоточился на финансовой стороне таких образовательных учреждений.

Стремление федерального центра координировать образование закрепилось в Федеральном законе "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры

[5] Там же.

государственного образовательного стандарта" (01.12.2007, № 309-ФЗ), который ликвидировал национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта и утвердил термин "федеральные государственные образовательные стандарты". Их задача по "обеспечению единства образовательного пространства, преемственности основных образовательных программ" (ст. 7. п. 3) просматривается в ФГОС для основного общего образования (17.12.2010, № 1897), начального общего (06.10.2009, № 373) и среднего (полного) общего образования (17.05.2012, № 413). В документах отсутствуют механизмы методической и организационной поддержки НШ.

Другой федеральной инициативой стало утверждение Положения о проведении единого государственного экзамена (09.04.2002, № 1306), не предусматривавшего модификацию контрольно-измерительных материалов на национальных языках. Это поставило выпускников НШ в неравные условия с детьми, обучающимися на русском языке. Акцент на этом языке проявился в утвержденной на 2001-2005 гг. целевой программе "Русский язык" (27.06.2001, № 483). Отсутствие аналогичных программ по другим языкам компенсировалось Законом РФ "О государственном языке Российской Федерации" (01.06.2005, № 53-ФЗ), указавшим на то, что "обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование... языками народов Российской Федерации" (ст. 1.7). Необходимость сдачи ЕГЭ на русском языке привела к росту учащихся в учреждениях с русским языком обучения (в столице РС(Я) с 26 588 человек в 2002-2003 гг. до 28 240 человек в 2003-2004 гг. [Васильева и др. 2013: 50]).

Обозначенные инициативы выдвигались в условиях сохраняющегося в этнических группах запроса на родные языки. 80% татар, опрошенных в 2011 г., назвали татарский язык в качестве главного компонента этнической идентичности, 89% выразили поддержку татарским школам. 60% якутов в возрасте 18-25 лет видели необходимость поддерживать якутский язык [Идентичность... 2012: 82]. Языковым потребностям населения республик диссонировал процесс сокращения НШ: в Татарстане в 2000 г. работало 1214 татарских школ (110 133 учащихся), в 2004 – 1210 (99 630), в 2007 – 1147 (84 917)[6], в Якутии в 2005/2006 уч. г. – 443 сахаязычные школы [Языковое многообразие... 2010], 2006/2007 уч. г. – 417 [Иванова 2012: 44-45].

Интересы родительской и педагогической общественности в этот период концентрировались вокруг вопросов качества преподавания национальных языков, обучения на них и их инструментальной функции. Проблема "подогревается" состоянием учебно-методических комплексов (УМК): в Татарстане 73% учителей татарского языка, опрошенных в 2006-2008 гг., указали на отсутствие хороших учебников, 51% – на неразработанность программ. 41% оценили учебно-методический комплекс по татарскому языку как уступающий другим "языковым предметам". В Якутии родители поддерживали модель современной школы, способной продуктивно решать актуальные проблемы этнокультурного образования [Игнатьева 2012: 164].

Проблемы качества обучения на национальных языках простимулировали республиканские власти к модернизации НШ. Интенции прослеживаются в Указе Президента РС(Я) "О совершенствовании языковой по-

[6] Там же.

литики в Республике Саха (Якутия)" (12.02.2013, № 1870), поставившем задачу создать преемственно взаимосвязанную систему обучения родным языкам, в "Стратегии развитии образования в РТ на 2010-2015 гг. 'Киләчәк' – 'Будущее'" (30.12.2010, № 1174), признающей неэффективность вкладываемых средств в татарское образование. Татарстан нацелился на внедрение и обновление педагогических технологий изучения родных языков ("Стратегия развития образования"), Якутия – на создание специальной группы по выработке научных основ обучения на якутском языке[7]. Концепция школьного языкового образования РС(Я) подчеркнула фокусирование республики на едином подходе к изучению родного, русского и иностранного языков (2000 г.), "Стратегия развития образования в РТ на 2010-2015 гг. 'Киләчәк' – 'Будущее'" – на задаче укрепления межнациональных коммуникаций с помощью национального образования. Одновременно в государственной целевой программе языкового строительства РС(Я) (19.05.2005), государственной программе РТ по сохранению, развитию и изучению государственных языков РТ и других языков РТ на 2004-2013 гг. (11.10.2004, № 52-ЗРТ) продвигался аксиологический подход, воплощающийся через поддержку дополнительного образования в области этнографии и фольклора [Игнатьева 2012: 141-142].

НОВЫЕ "ИНИЦИАТИВЫ НА БУМАГЕ" И ПЕРЕСТРОЙКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Второе десятилетие 2000-х годов для НШ ознаменовалось принятием в 2012 г. Закона РФ "Об образовании". Он подтвердил свободу выбора языка образования, предоставил школам право разрабатывать собственные образовательные программы в соответствии с ФГОС и с учетом основных образовательных программ. Тем самым НШ получили новые возможности в определении внутренней языково-образовательной политики, а выделение для образовательных учреждений с обучением на родном (нерусском) языке специального пятого варианта примерного учебного плана свидетельствовало о заинтересованности в них федерального центра. Она проявилась в тексте Конституции РФ 2020 г., поправки которой не коснулись права граждан "на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества" (ст. 26). В целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014-2020 гг." (25.08.2013, № 718) закрепилась задача создания условий для изучения родного языка. Выступление в 2017 г. президента РФ В.В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле и принятые впоследствии поправки к Закону "Об образовании" (03.08.2018, № 317-ФЗ) подтвердили право граждан РФ на свободу выбора языка обучения, предусмотрели механизм его реализации путем волеизъявления родителей.

Указанным идеям диссонировало положение Закона РФ "Об образовании" 2012 г., ограничивающее получение начального общего и основного общего образования на родном языке (наряду с дошкольным) и закрепляющее за федеральным центром экспертизу главных общеобразовательных программ.

[7] Анализ мероприятий Государственной целевой программы языкового строительства Республики Саха (Якутия) за 2005-2006 гг. *Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия)*. https://sakha.gov.ru/analiz-meroprijatij-gosudarstvennoj-tselevoj-programmy-jazykovogo-stroitelstva-respubliki-saha-jakutija-za-2005-2006gg (accessed 10.04.2022).

В случае их национальной направленности предусматривалось привлечение субъектов РФ, но закон не обозначил механизм согласительных процедур. Рассогласованность проявилась в Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, в плане мероприятий Министерства просвещения РФ по ее реализации (01.10.2019), в государственных программах РФ развития образования на 2011-2015 гг. (07.02.2011, № 61), 2013-2020 гг. (15.04.2014, № 295), 2018-2025 гг. (26.12.2017, № 1642), не упоминающих образование на национальных языках. Открытый по Указу Президента РФ (26.10.2018, № 611) Фонд сохранения и изучения родных языков народов РФ позаботился лишь о подготовке учебников по "Родному языку" и "Родной литературе"[8].

В ответ на инициативы федерального центра республики внесли изменения в свою нормативно-правовую базу. Следование ФОГС нашло отражение в Конституции РС(Я) (ст. 27.1, 30.04.2014, 1310-З, № 177-V). В законах "Об образовании" (РТ – 22.07.2013, № 68-ЗРТ; РС(Я) – 15.122014, № 360-V) подтверждалось право граждан на получение общего образования на родном языке. Новым стало положение о введении в республиках государственной итоговой аттестации для изучающих родной язык и литературу на родном языке. Регионы выразили заинтересованность в участии в экспертизе примерных основных общеобразовательных программ в части региональных, национальных и этнокультурных особенностей. Вопросы организации обучения на родном языке поднимались в республиканских программах "Развитие образования в Республике Саха (Якутия) на 2016-2022 гг." (15.12.2017, № 2282), "Развитие образования и науки Республики Татарстан на 2014-2020 гг.", государственных программах по сохранению, изучению и развитию языков (РС(Я) 16.12.2019, № 901; РТ – 25.10.2013 № 794). Республики сохранили заложенные ранее специфические интересы: РС(Я) подчеркнула внимание к учебным программам по языку саха и языкам КМНС, Татарстан выразил стремление открывать соответствующие образовательные учреждения, а через "Концепцию развития национального образования в Республике Татарстан до 2030 г." (19.08.2016, № 570) вновь подтвердил обязательства по поддержке школ с татарским языком обучения в субъектах РФ.

Новой инициативой региональных властей стало создание специальных организаций. В РС(Я) для обеспечения "корреляции языковой политики с общественным мнением" (21.02.2019, № 384) сформирован Совет по языковой политике при главе региона (05.07.2011, № 789), в РТ – Комиссия по сохранению и развитию татарского языка (06.07.2020, № УП-384). Тем самым республики подчеркнули заинтересованность в НШ, а возникновение структур объяснялось отсутствием реальных действий федерального центра[9]. Они были вынуждены лавировать в новых координатах федеральной языковой политики и активнее поднимать вопрос о реальном использовании национальных языков

[8] Но лишь на 20 языках и по некоторым ступеням образования. См. Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность. https://base.garant.ru/74634042/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (accessed 10.04.2022).

[9] Колебакина-Усманова Е., Бадретдин Г. 2020. "Вот сейчас как наляпаем учебников!": почему фонд родных языков остался фикцией? *Бизнес онлайн,* 30.01.2020. https://www.business-gazeta.ru/article/455622 (accessed 10.04.2022).

как средств обучения[10]. В РТ идея предыдущего десятилетия о полилингвальном образовании получила практическое воплощение в виде открытых под патронажем первого президента РТ М.Ш. Шаймиева школ “Адымнар”.

У родительской общественности сохранился высокий интерес к национальным языкам. В 2014 г. 82% якутов в качестве родного назвали якутский язык [Иванова 2017: 33]. 92,6% татар, опрошенных в том же году, хотели видеть своих детей владеющими татарским языком, 90% выразили положительное отношение к татарским школам. Но все меньше родителей стало отдавать детей в НШ. В РС(Я) на якутском языке в 2016/2017 уч. г. училось 55 038 школьников, в 2017/2018 – 55 721, в 2018/2019 – 52 103, в 2019/2020 – 52 168, в 2020/2021 – 51 551[11]. В Татарстане в 2009 г. работала 1 061 татароязычная школа, в 2012 г. – 854, в 2016/2017 уч. г. – 742, в 2017/2018 – 714, в 2018/2019 – 702, в 2019/2020 – 679 [Большаков, Фарукшин 2022: 128].

Можно выделить три причины сокращения числа НШ. Во-первых, языковая политика федерального центра, направленная на усиление позиций русского языка и влияющая на языково-образовательные стратегии родителей. Треть опрошенных в 2014 г. родителей-саха поддержали смешанную (якутско-русскую) модель школы [Иванова 2017: 79], столько же в 2012 г. предпочли переход на русский язык от начальных классов к средним и старшим [Игнатьева 2010: 162].

Во-вторых, НШ так и не смогла “осовремениться”. Интервью с педагогами саха- и татароязычных школ, проведенные автором в 2021 г., выявили позитивные изменения в учебно-методическом комплексе (хотя педагоги по-прежнему отмечают его ориентированность на грамматику, включение сложных литературных текстов, неинтересных упражнений), высокий потенциал педагогических коллективов (в основном это мотивированные, творческие и гибкие специалисты), но нередко работающие в советской парадигме НШ с ее стереотипами о национальных культурах как сугубо сельских и презентацией в этнографических формах. Это не отвечает интересам современного поколения, особенно городского.

В-третьих, растущая прагматическая мотивация родителей и их детей. В 2021 г. 63% опрошенных старшеклассников из татарских НШ Казани отметили важность русского языка для общения с друзьями, соседями, родственниками, 53% – для дальнейшей работы; 40% связали иностранный язык с карьерой, 52% – международной коммуникацией. Национальный же язык воспринимается сугубо эмоционально (как родной у 90% родителей и 85% учащихся). Актуальным становится не только общественное требование усовершенствовать учебно-методический комплекс, но и обеспечить конкурентоспособность национальных языков.

Заключение

Институционализация российской национальной школы в постсоветское время прошла в условиях сложного переплетения идей и действий акторов языковых территориальных режимов, их коммуникативного взаимодействия.

[10] Мы должны наконец признать, что ни в одной из школ преподавания на татарском языке нет. *Бизнес онлайн*, 15.12.2018. https://www.business-gazeta.ru/article/406392 (accessed 10.04.2022).

[11] Пресс-служба Ил Тумэна. 2022. Феодосия Габышева выступила в Хакасии с докладом о сохранении родного языка в условиях многоязычия. *Государственное собрание (ИЛ ТУМЭН) Республики Саха (Якутия)*. https://iltumen.ru/news/20985/print (accessed 10.04.2022).

1990-е годы стали временем кристаллизации многочисленных акторов ЯТР в отношении НШ. Интересы этнических групп, политических элит регионального и федерального уровней, общественных объединений простимулировали организационное оформление и нормативное закрепление таких образовательных учреждений, позволяющее осуществлять общественный контроль над ними. В это время производились идеи об НШ: право на язык обучения для всех граждан страны, социально-политическая субъектность регионов, родительской и иной общественности. Процесс сопровождался двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдалось видимое претворение идей в практики (рост числа НШ, их типов, образовательных программ), с другой – формировались скрытые "ловушки" для НШ. Это интенция к имитации права на язык обучения, увязываемая с возможностями образовательных учреждений, отсутствие реальной, массовой их поддержки, ценностное (в традиционалистском смысле) понимание национального языка, продолжающее советскую "традицию государства" и подхваченное федеральным центром и республиками.

В первом десятилетии XXI в. институционализация НШ со стороны федерального центра происходила в логике "тропы зависимости" от необходимости позиционирования страны как многоязычной, предоставления права обучения на родном языке, с одной стороны, и от рассогласованного, декларативного характера идей, выразившегося в сформировавшемся в предыдущем десятилетии отсутствии их реального воплощения, с другой. Региональные элиты, сохраняя приверженность политике поддержки НШ, вынуждены действовать в условиях, задаваемых федеральным центром, стремящимся координировать образование. Продолжая тиражировать аксиологический подход к национальному языку, они объявляют о модернизации НШ, отвечая тем самым на запросы неправящих акторов ЯТР – родительской и педагогической общественности, проблематизировавшей вопросы качества образования и озабоченной сокращением образовательных учреждений.

Декларативность и противоречивость политико-юридических рамок институционализации НШ со стороны федерального центра сохранилась и во втором десятилетии 2000-х годов. Подчеркивая в доктринальных документах заинтересованность в многоязычии и использовании национальных языков как средства обучения, федеральный центр ограничивает их использование уровнем начального общего и основного общего образования, стремится к еще большей координации НШ, не предоставляет реальные механизмы для ее поддержки. Республики в таких условиях обращаются к поиску новых идей. Тем не менее предпринятые ими действия во многом также носили формальный характер и не оказали серьезного влияния на образовательные учреждения. Институционализация НШ в этот период со стороны педагогической общественности проходила по инерции советской парадигмы. Родители и их дети оставались заинтересованы в обеспечении инструментального функционала национального языка.

Исторический институционализм позволил выявить обновление акторов институционализации российской НШ (уход со сцены общественно-политических сил, появившихся "снизу", возникновение общественных организаций по инициативе "сверху"; субъективацию родительского сообщества и учащихся, постепенно рационализирующих национальные языки), генезис идей власти и "тропу ее зависимости" от советской парадигмы национального образования (опора на аксиологический подход к национальным языкам, практика преподавания русского языка как неродного), изменение степени влияния участников друг на друга.

Гипотеза о том, что языковой территориальный режим в отношении национальной школы складывается на пересечении интересов правящих акторов, федерального, регионального уровней и неправящих социальных акторов, получила лишь частичное подтверждение из-за выявленной роли "традиций государства" и "традиций регионов". Последнее выражается в том, что анализируемые республики на протяжении всего постсоветского периода сосредотачивали свое внимание на НШ для конкретных этнических общностей: Татарстан – для татар, причем как для живущих в регионе, так и за его пределами, Якутия – не только для саха, но и для коренных малочисленных народов Севера.

Другим проявлением различий республик выступают их реакции (или отсутствие таковых) на отдельные инициативы федерального центра. Якутия откликнулась на развиваемую политику централизации российского образования и, направив усилия на усовершенствование собственной нормативно-правовой базы НШ, смогла безболезненно перейти к добровольному принципу изучения родных языков. Татарстан отреагировал на идею об оптимизации образования. Однако, успешно решив задачу по повышению эффективности расходования бюджетных средств (за счет закрытия малокомплектных школ, в том числе национальных), республика оказалась в сложной ситуации из-за обоснованных претензий со стороны родительской общественности по поводу нерешенного вопроса о соотношении количества часов на русский и татарский языки.

Наконец, специфика республик проявляется в скорости внедрения новой парадигмы НШ. Якутия первой предложила полилингвальный принцип таких образовательных учреждений, но, в отличие от Татарстана, не смогла его воплотить. Коридор возможностей региональных элит определяет не только федеральный центр, но и особенности их интересов, способность воплощать идеи на практике, а также характер расселения этнических общностей, давших название республикам, и в целом этническая структура управляемой ими территории.

DOI: 10.17976/jpps/2023.03.08

INSTITUTIONALIZATION OF THE RUSSIAN NATIONAL SCHOOL IN THE FIELD OF POLITICS
(case Sakha- and Tatar-speaking schools of the republics of Sakha (Yakutia) and Tatarstan)

G.F. Gabdrakhmanova[1,2]

[1] *Sh. Mardzhani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russia*

[2] *Ammosov North-Eastern Federal University. Yakutsk, Russia*

GABDRAKHMANOVA, Gul'nara Faatovna, Dr. Sci. (Soc.), Head of Ethnology Department, Sh. Mardzhani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences; Chief Research Officer, International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", Ammosov North-Eastern Federal University, email: medi54375@mail.ru

Gabdrakhmanova, G.F. (2023). Institutionalization of the Russian national school in the field of politics (case Sakha- and Tatar-speaking schools of the Republics of Sakha (Yakutia) and Tatarstan). *Polis. Political Studies*, 3, 98-113. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.08

Acknowledgements. The research was conducted under the project "Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the arctic and subarctic of the Russian Federation" (grant of the Government of Russia, agreement № 075-15-2021-616).

Received: 10.04.2022. Accepted: 28.11.2022

Abstract. The article problematizes the issue of the subjects of language policy. The author proposes to consider ruling and non-ruling actors in this capacity. The special institutional agreements on the use of national languages, developed as a result of their interaction, set the framework for the linguistic territorial regime. One stand-alone segment is the question of the use of languages as a means of teaching in the education system. The authorities of the federal and regional levels, ethnic groups, parental and pedagogical communities participate in its discussion. Their ideas about national languages as a means of education and the actions taken have led to the formation of a national school as an institution in the field of politics. The study of the linguistic territorial regime was undertaken based on the example of schools in the Russian republics of Sakha (Yakutia) and Tatarstan, where education is conducted in the Yakut and Tatar languages. The purpose of the article is to reveal the evolution of the institutionalization of the Russian national school in the post-Soviet period in the context of the linguistic territorial regime. To analyze this process, the ideas of historical institutionalism, comparative political science and the method of binary analysis are used. The institutionalization of the Russian NS takes place in the context of a complex intertwining of ideas and actions of the actors of the linguistic territorial regime, their contradictory communicative interactions, ongoing dependence on the Soviet paradigm of national education and the current language policy. The discrepancy is reflected in the negative dynamics of the number of Russian national schools and students studying in them.

Keywords: national school, institutionalization, linguistic territorial regime, actors, Tatarstan, Sakha (Yakutia).

References

Cardinal, L., & Sonntag, S.K. (Ed.). (2015). State traditions and language regimes. Montreal, Kingston: McGill Queen's University Press.

Sonntag, S.K., & Cardinal, L. (2015). State traditions and language regimes: a historical institutionalism approach to language policy. *European and Regional Studies*, 8, 5-21. https://doi.org/10.1515/auseur-2015-0010

Arutyunova, E.M. (2019). The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of language contradictions in school education. *Informational and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology RAN*, 1, 50-61. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/inab.2019.1.4

Bolshakov, A.G., & Farukshin, M.Kh. (2022). Language situation in republics located between the Volga upland and the Ural mountains: main trends of changes. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 21(2), 123-135. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.10

Borisova, N.V. (2016). Language territorial regimes in ethnic federations. *Bulletin of the Perm University. Political Science*, 4, 94-115. (In Russ.)

Borisova, N.V. (2018). "The strength" of territorial autonomy and language preferential policy in contemporary world). *Comparative Politics Russia*, 9(2), 62-82. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82

Borisova, N.V. (2019). Language preferential policy and language politics in ethnic republics of Russia: the database presentation. *Bulletin of the Perm University. Political Science*, 13(3), 99-110. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-99-110

Borisova, U.S. (2006). Etnokul'turnoye obrazovaniye: istoriko-sotsiologicheskiy analiz (na materialakh Respubliki Sakha (Yakutiya) [Ethnocultural education: historical and sociological analysis (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Abstract of the thesis for the degree of Doctor of sociology. Saint Petersburg. (In Russ.)

Drobizheva, L.M., Aklaev, A.R., Koroteeva, V.V., & Soldatova, G.U. (1996). Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiyskoy Federatsii 90-kh godov. [Democratization and images of nationalism in the Russian Federation in the 1990s]. Moscow: Mysl Publ. (In Russ.)

Gabdrakhmanova, G.F., & Sagitova, L.V. (Ed.). (2015). Gosudarstvennyye yazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmereniy [State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Artifakt. (In Russ.)

Gaman-Golutvina, O.V., & Nikitin, A.I. (Ed.). (2019). Sovremennaya politicheskaya nauka: metodologiya [Modern political science: methodology]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Gataullina, M.Kh. (2001). Vedushchie tendentsii razvitiya tatarskoi natsional'noi shkoly (1985-2000 gg.). [Leading trends in the development of the Tatar national school (1985-2000)]. Thesis for the degree of Candidate of pedagogical sciences. Kazan. (In Russ.)

Gibatdinovm M.M., & Murtazina, L.R. (2013). Razvitie sistemy obrazovaniya tatarskogo naroda v postsovetskii period [The development of the education system of the Tatar people in the post-Soviet period]. In *Istoriya tatar s drevneishikh vremen v 7 tt. T. 7. Tom VII. Tatary i Tatarstan v XX – nachale XXI v.*

[The history of the Tatars from ancient times in 7 volumes. Vol. 7. Tatars and Tatarstan in the XX – early XXI centuries] (pp. 711-719). Kazan: Institut istorii AN RT. (In Russ.)

Goryacheva, M.A. (2016). Prepodavanie yazykov narodov Rossii v shkole: sotsiolingvisticheskii aspect [Teaching the languages of the peoples of Russia at school: a sociolinguistic aspect]. In *Yazykovaya politika v sfere obrazovaniya: instrument formirovaniya obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti. Sbornik dokladov* [Language policy in the field of education: a tool for the formation of an all-Russian civic identity. Collection of reports] (pp. 20-21). Moscow: NF Mezhdunarodnykh integratsionnykh tekhnologii. (In Russ.)

Identichnost' i konsolidatsionnyy resurs zhiteley respubliki Sakha (Yakutiya) [Identity and consolidation resource of the inhabitants of the Republic of Sakha (Yakutia)]. 2012. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Ignatieva, V.B. (2010). Respublika Sakha (Yakutiya): kto podderzhit model' sovremennoi shkoly [The Republic of Sakha (Yakutia): who will support the modern school model]. In V.V. Stepanov (Ed.), *Etnokul'turnoye obrazovaniye. Metody sotsial'noy oriyentatsii rossiyskoy shkoly* [Ethnocultural education. Methods of social orientation of the Russian school] (pp. 137-165). Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

Iskhakova, Z.A. (2022). Osnovnye printsipy yazykovoi politiki RT [Basic principles of the language policy of the Republic of Tatarstan]. In *Yazyk i etnos na rubezh vekov: etnosociologicheskie ocherki ob yazykovoj situacii v Respublike Tatarstan* [Language and Ethnos at the Turn of the Century: Ethno-Sociological Essays on the Language Situation in the Republic of Tatarstan] (pp. 6-41). Kazan: Magarif. (In Russ.)

Ivanova, N.I. (2012). Sovremennoye kommunikatsionnoye prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiopsikholingvisticheskiy aspekt [Modern communication space of the Russian language in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Ivanova, N.I. (2017). Sotsiolingvisticheskiye aspekty funktsionirovaniya yakutskogo yazyka v g. Yakutske: tsifry i fakty [Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts]. Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russ.)

Khilkanova, E.V. (2020). People in language policy: the theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (on the example of Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana,* 16(3), 756-815. (In Russ.) https://doi.org/10.30842/alp2306573716324

Kuz'min, M.N., & Artemenko, O.I. (2022). Organizatsiya obrazovaniya v usloviyakh polietnichnoi Rossii [Organization of education in the conditions of multi-ethnic Russia]. (In Russ.) https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806c4f5d

Matis, V.I. (1997). Problema natsional'noy shkoly v polikul'turnom obshchestve [The problem of the national school in a multicultural society]. Barnaul: BGU Publ. (In Russ.)

Mukhariamova, L.M., & Andreeva, A.R. (2008). Fenomen natsional'noy shkoly v sotsiologicheskikh rakursakh [The phenomenon of the national school in sociological perspectives]. Kazan: izd-vo Kazan. gos. un-ta. (In Russ.)

Mukharyamov, N.M. (2017). Politika yazyka i yazykovaya politika [Language policy and language policy]. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika* [Identity: the Individual, Society and Politics] (pp. 677-684). Moscow: Ves Mir Publishers. (In Russ.)

Mukharyamov, N.M. (2021a). Language policy and language politics: the question of actors. *Bulletin of the Perm University. Political science,* 15(4), 5-15. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-5-15

Mukharyamov, N.M. (2021b). Rezhimy etnoyazykovogo raznoobraziya [Regimes of ethno-linguistic diversity]. In O.I. Zaznayeva, & M.Kh. Farukshina (Ed.), *Etnicheskiye aspekty politicheskikh institutov i protsessov* [Ethnic Aspects of Political Institutions and Processes] (pp. 342-385). Moscow, Berlin: Direct-Media. (In Russ.)

Potseluev, S.P., & Podshibyakina, T.A. (Ed.). (2019). Subdistsipliny politicheskoy nauki: uchebnoye posobiye [Subdisciplines of political science: textbook]. Part 1. Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi universitet. (In Russ.)

Smorgunov, L.V. (2009). Comparative political science in search for new methodological orientations: would the ideas be significant for explanation of politics? *Polis. Political Studies*, 1, 118-129. (In Russ.)

Sokolova, F.Kh. (2017). Language policy of the arctic regions of Russia in the late 20th and early 21st centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 6, 37-50. (In Russ.) https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.6.37

Sokolovsky, S.V., & Filippova, E.I. (Ed.). (2018). Yazykovaya politika, konflikty i soglasiye [Language policy, conflicts and reconciliation]. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

Stepanov, V.V. (Ed.). (2010). Etnokul'turnoye obrazovaniye. Metody sotsial'noy oriyentatsii rossiyskoy shkoly [Ethnocultural education. Methods of social orientation of the Russian school]. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

Vasil'eva, R.I., Degtyareva, M.G., Ivanova, N.I., & Semenova, E.N. (2013). Sovremennaya etnoyazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiopsikholingvisticheskii aspect [Modern ethnolinguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Yanush, O.B., Mukharyamov, N.M., & Mukharyamova, L.M. (2020). Language policy in theoretical contexts of neo-institutionalism. *Political Linguistics,* 6, 156-165. (In Russ.)

Литература на русском языке

Арутюнова Е.М. 2019. Языковая ситуация в республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании. *ИНАБ*. № 1. С. 50-61. https://doi.org/10.19181/inab.2019.1.4. EDN: AWRNSR.

Большаков А.Г., Фарукшин М.Х. 2022. Языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья: основные тенденции изменений. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 21. № 2. С. 123-135. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.10. EDN: XFVMZY.

Борисова Н.В. 2016. Языковые территориальные режимы в этнических федерациях. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 4. С. 94-115. EDN: XEPBSN.

Борисова Н.В. 2018. "Сила" территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире. *Сравнительная политика*. Т. 9. № 2. С. 62-82. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82. EDN: URVJYI.

Борисова Н.В. 2019. Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных. *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 13. № 3. С. 99-110. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-99-110. EDN: PZRWID.

Борисова У.С. 2006. Этнокультурное образование: историко-социологический анализ (на материалах Республики Саха (Якутия). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д. соц. н. Санкт-Петербург. EDN: ZNQPPP.

Васильева Р.И., Дегтярева М.Г., Иванова Н.И., Семенова Е.Н. 2013. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука. EDN: RLEYOJ.

Гатауллина М.Х. 2001. Ведущие тенденции развития татарской национальной школы (1985-2000 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Казань. EDN: NLZLQX.

Гибатдинов М.М., Муртазина Л.Р. 2013. Развитие системы образования татарского народа в постсоветский период. *История татар с древнейших времен в 7 тт. Т. 7. Том VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в.* Казань: Институт истории АН РТ. С. 711-719.

Горячева М.А. 2016. Преподавание языков народов России в школе: социолингвистический аспект. Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. Сборник докладов. М.: НФ Международных интеграционных технологий. С. 20-21.

Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. 2015. Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Артифакт.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. 1996. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль. EDN: TITWVF.

Иванова Н.И. 2012. Современное коммуникационное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука. EDN: RLEZKR.

Иванова Н.И. 2017. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. М.: ООО "Языки Народов Мира". EDN: ZHQHDB.

Игнатьева В.Б. 2010. Республика Саха (Якутия): кто поддержит модель современной школы. *Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы*. Под ред. В.В. Степанова. Вып. 1. М.: ИЭА РАН. С. 137-165. EDN: SGDLVZ.

Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия). 2012. М.: Институт социологии РАН. EDN: PCYBON.

Исхакова З.А. 2002. Основные принципы языковой политики РТ. *Язык и этнос на рубеж веков: Этносоциологические очерки об языковой ситуации в Республике Татарстан*. Казань: Магариф. С. 6-41.

Кузьмин М.Н., Артеменко О.И. 2022. Организация образования в условиях полиэтничной России. https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806c4f5d

Матис В.И. 1997. Проблема национальной школы в поликультурном обществе. Барнаул: Изд-во БГУ.

Мухарямов Н.М. 2017. Политика языка и языковая политика. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир. С. 677-684. EDN: PNIWQP.

Мухарямов Н.М. 2021a. Языковая политика и политика языка: к вопросу о “действующих лицах”. *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 15. № 4. С. 5-15. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-5-15. EDN: ATHNHL.

Мухарямов Н.М. 2021b. Режимы этноязыкового разнообразия. *Этнические аспекты политических институтов и процессов*. Под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. М., Берлин: Директ-Медиа. С. 342-385.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. 2008. Феномен национальной школы в социологических ракурсах. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. EDN: QWUSFD.

Сморгунов Л.В. 2009. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 118-129. EDN: KYGUYZ.

Современная политическая наука: методология. 2019. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс. EDN: KKHCUZ.

Соколова Ф.Х. 2017. Языковая политика арктических регионов Российской Федерации в конце XX – начале XXI века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. № 6. С. 37-50. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.6.37. EDN: ZXFQRN.

Субдисциплины политической науки: учебное пособие. 2016. Под ред. С.П. Поцелуева, Т.А. Подшибякиной. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. EDN: WQHPTF.

Хилканова Э.В. 2020. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы). *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. 16. № 3. С. 756-815. https://doi.org/10.30842/alp2306573716324. EDN: TOBLCA.

Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. 2010. Под ред. В.В. Степанова. Вып. 1. М.: ИЭА РАН. EDN: QBKPCZ.

Языковая политика, конфликты и согласие. 2018. Отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. М.: ИЭА РАН. EDN: MHJMVN.

Януш О.Б., Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. 2020. Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма. *Политическая лингвистика*. № 6. С. 156-165. https://doi.org/10.26170/pl20-06-17. EDN: UHNXUH.